

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ШОРОХОВ

кандидат исторических наук, ассистент кафедры исторического регионоведения Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
v.shorohov@spbu.ru

МЕЖДУ МИРАЖАМИ ПЕРЕСТРОЙКИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ГОРНОГО БАДАХШАНА В 1989–1991 ГОДАХ*

Исследование посвящено истории областного Совета народных депутатов уникального региона СССР в эпоху поздней перестройки. Объект исследования – Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) Таджикистана. Предмет исследования – попытки представительского органа советского Памира разрешить насущные проблемы области в условиях политического и экономического кризиса, сопровождавшего распад СССР. Основные источники работы – материалы из фондов Государственного архива Горно-Бадахшанской автономной области (г. Хорог). Эти неопубликованные документы отразили функционирование ключевых властных структур региона – областного Совета народных депутатов и Исполнительного комитета ГБАО, а также ряда центральных учреждений Таджикистана. Автором привлекались также таджико- и русскоязычные материалы местной и республиканской периодики. Широта источниковой базы помогла детально реконструировать системный кризис автономии и ту программу действий, которая, по мнению памирских народных депутатов, могла помочь преодолеть его. Перестройка и распад Советского Союза отразились на всех сферах жизни населения Горного Бадахшана. Социально-экономическая база, благодаря которой поддерживались базовые стандарты «качества жизни» эпохи СССР, деградировала опережающими темпами по отношению к воздействию скромных позитивных последствий либерализации. Надежды на финансирование из Москвы, создание совместных предприятий, богатства недр региона, расширение политических прав и национально-религиозной автономии оборачивались конфликтом с Душанбе, усугублением проблем немногих имеющихся предприятий, обострением противоречий внутри автономии, распылением ресурсов на малозначительные и статусные «проекты», разгулом организованной преступности и ростом народного недовольства. Одним из немногих позитивных явлений рассматриваемого периода стало налаживание связей с религиозным главой большинства населения региона – Ага-ханом IV.

Ключевые слова: распад СССР, история Таджикистана, Памир, Горно-Бадахшанская автономная область, Совет народных депутатов

Ключевым событием периода дезинтеграции СССР стало образование национальных государств на базе бывших союзных республик. Этот стихийный процесс совершенно не зависел от наличия реальных предпосылок для суверенизации отдельных субъектов Союза. Ярким примером «брошенной окраины», совершенно неготовой к событиям 1989–1991 года, была Таджикская ССР (ТССР). Получая извне большую часть ресурсов, республика имела значительный потенциал лишь в сфере гидроэнергетики [14: 49–93]. Граничащая с Афганистаном, КНР и постсоветскими государствами, страна была отрезана от союзного Центра. Кроме того, на протяжении советского периода население Таджикистана сохранило «микрорегиональное» самосознание [36]. Имея столь незавидный «стартовый капитал», ТССР тем не менее не отставала от других субъектов Союза в стремлении «возродить» свою независимость [11], [16: 218–220], не считаясь с последствиями ликвидации единого экономичес-

кого пространства [23: 175–178], массового оттока населения [25: 121–122] и активизации региональных элит.

Российский этнолог С. В. Чешко выделил два типа постсоветского политического национализма. К первому исследователь отнес национализмы «союзнореспубликанских этнонаций», направленные на создание и усиление привилегированного положения своей общности и, соответственно, подавление иноэтничного населения. Приоритетным направлением активности носителей такого национализма было достижение максимальной самостоятельности по отношению к Центру, желательно при сохранении экономических выгод от взаимодействия с ним. Другой национализм был характерен для общностей, имевших автономии в составе республик. Подвергаясь дискриминации со стороны своих «старших братьев», они рассчитывали на помощь в союзной власти. Требованиями лидеров автономий были повышение статуса «их» субъектов до союзных

республик или интеграция в состав РСФСР [33: 257–258]. В значительной степени эти чаяния совпадали с направлением мысли общесоюзной бюрократии. Весной 1990 года Верховный Совет СССР взял курс на автономизацию, приняв законы, призванные унифицировать статус союзных и автономных республик и сделать его федеративным. Крах этого проекта летом того же года привел фактически к победе «титულных» наций [35: 39–40]. Как отметил М. М. Худоёров, именно по второму сценарию развивалось национальное движение населения Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан (далее – ГБАО) [30: 47–48].

Цель исследования – проанализировать процесс дезинтеграции СССР на примере его наиболее удаленной и проблемной окраины. Проведенные в 2018 году изыскания в архиве ГБАО показали, что последовательным проводником политики перестройки на этой территории, protagonистом децентрализации управления в 1989–1991 годах был областной Совет народных депутатов (далее – СНД). Именно в стенах этого учреждения представители районов автономии пытались «сделать былью» как общесоюзные мечтания, так и конкретные земные чаяния своих избирателей. Поэтому изучение документальных материалов, отражающих ход работы Совета, позволяет в достаточной мере раскрыть драматизм событий тридцатилетней давности.

В рамках данной публикации мы ограничимся преимущественно описанием событий 1989 – весны 1991 года. Основа источниковой базы – материалы Государственного архива ГБАО имени Х. Бурибекова (г. Хорог). Большая часть используемых документов впервые вводится в научный оборот. Особую ценность для исследования представляют протоколы и решения сессий областного СНД за 1990–1991 годы (фонд 1, опись 49, дела 1–4), распоряжения Исполнительного комитета СНД ГБАО за 1989–1991 годы (фонд 1, опись 50, дела 1–6), а также постановления Президиума Верховного Совета и Верховного Совета Таджикистана (далее – ВСРТ; фонд 1, опись 48, дела 54 и 55). Эти фонды позволяют восстановить картину кризиса автономии и направления поиска новых путей ее развития.

Для реконструкции общественно-политической ситуации в ГБАО и Таджикистане в целом автор использовал статьи, интервью и информационные материалы главного периодического издания области – газеты «Бадахшони Совети» («Советский Бадахшан»), а также некоторых республиканских и общесоветских печатных органов (прежде всего «Адабиёт ва санъат» («Культура и традиция»), «Вечерний Душанбе», «Коммунист Таджикистана», «Памир», «Народная газета» и «Комсомольская правда»).

Что касается изученности темы, приходится констатировать скудость историографии,

представленной обзорными статьями [21], [34] и исследованиями на другие темы с краткими экскурсами в историю Памира [15], [37], [38]. Единственным автором, целенаправленно изучавшим политические процессы ГБАО эпохи распада СССР, является М. М. Худоёров [29], [30].

Памир (Горный Бадахшан) – это горная система в центре Азии на территории Таджикистана, Китая и Афганистана. Население ГБАО в основном говорит на восточно-иранских языках и исповедует исмаилизм низаритского толка. Это сочетание обычно и является базой памирской самоидентификации. Насчитывается девять самостоятельных языков и диалектов, которые относятся к «древнеиранским группам языков» [28: 186]. Наиболее многочисленные из памирцев (шугнанцы, ваханцы, рушанцы) живут и в Таджикистане, и в Афганистане (а ваханцы также в Пакистане и Китае) [20: 103–113], [22: 9–11]. Кроме того, на территории ГБАО проживает ряд локальных фарсиязычных групп, как ассоциирующих себя с памирцами (горонцы, жители долины Кухилал, население четырех кишлаков таджикского Вахана), так и отделяющих себя от них (дарвазцы и ванджцы). Выделяется общность язгулямцев (не менее 7 тыс.), исповедующих суннитский ислам, но говорящих на восточно-иранском языке и считающих себя памирцами. Таким образом, большая часть населения Бадахшана представляет собой совокупность небольших культурно-языковых групп восточно-иранского лингвистического «круга», подвергающихся постепенной ассимиляции, преимущественно со стороны таджиков [6], [17], [18]. На Восточном (Мургабский район ГБАО) и Малом (Афганистан) Памире проживают преимущественно киргизы [5: 11–12], [8: 146–166].

Современная история Памира началась 2 января 1925 года с принятием ЦИК СССР постановления об образовании Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской Автономной ССР [24]. Когда в 1929 году Таджикистан превратился в «полноценную» республику, Памир сохранил свой статус [24: 18–19]. В послевоенный период, несмотря на сохранение ассимиляционного курса республиканских властей, были созданы предпосылки для «возрождения» памирской идентичности. Прежде всего этому способствовало своеобразие экономического развития ГБАО. На 80 % дотируемый из республиканского центра местный бюджет расходовался крайне нерационально, но обеспечивал повышение уровня жизни горцев. Присутствие пограничников в населенных пунктах долины Пянджа создавало дополнительные рабочие места. При этом, за исключением крайне неудачного эксперимента по переселению в долину Вахша, бадахшанцы оказались не затронуты процессами специализации хозяйства среднеазиатских республик [3]. Поэтому за пределами ГБАО они проживали в

основном в Душанбе. Таким образом, численность, благосостояние и образование памирцев росли, не будучи подкреплены ни темпами развития хозяйства региона, ни значимой ролью в управлении республикой. Эти диспропорции дополнялись жестким административным давлением, призванным ускорить ассимиляцию горцев [13].

С другой стороны, значительный вклад советской власти в инфраструктурное развитие Таджикистана не мог не отразиться на ГБАО, где были созданы школы, больницы, электростанции, дороги, аэропорты. Грамотность населения выросла с 2 % в 1913 году до почти 100 % в 1984 году [19].

Согласно переписи 1989 года, на территории ГБАО проживало около 161 тысячи человек [4: 19]. Региональная экономика в значительной степени дотировалась из Москвы, а основным каналом снабжения автономии оставался Памирский тракт, шедший из города Ош, то есть с территории Киргизии. Группировка советских погранвойск была не только гарантом безопасности области, но и одним из главных экономических акторов региона.

В рамках децентрализации системы регионального управления с января 1990 до декабря 1991 года основная политическая активность населения области сконцентрировалась в СНД ГБАО. Этот орган за два года работы провел шесть сессий, одна из которых (четвертая) не нашла отражения в доступных нам архивных документах и описях, а шестая собралась уже после фактического распада Союза (в декабре 1991 года). Кроме того, активно действовал президиум СНД, готовивший повестку для сессий и контактировавший с республиканскими институтами. Об этом свидетельствует тот факт, что за первые полтора года работы было принято 113 решений, тогда как самим СНД – 98¹. Помимо 80 народных депутатов в сессиях Совета принимало участие до 130 представителей областной и районных администраций, силовых ведомств, предприятий и общественных организаций². За первые пять сессий СНД ГБАО было рассмотрено 98 вопросов, важнейшие из которых публиковались в печатном органе региональной власти – «Бадахшони Совети». Это происходило за 15–20 дней до начала сессии для предварительного общественного обсуждения³.

Анализ персонального состава СНД – тема отдельного исследования. Тем не менее можно выделить ряд наиболее активных депутатов, которые в дальнейшем сыграли важную роль в истории горного Бадахшана и Таджикистана в целом. Прежде всего это избранный председателем СНД представитель Ванчского района, дарвазский таджик А. И. Искандаров. Являясь одновременно заместителем председателя ВС РТ, в 1990–1991 годах он был проводником

интересов Памира в Душанбе. Кроме того, следует выделить будущего председателя СНД шугнанца Г. Ш. Шахбозова. Отметим также тот факт, что количество русскоязычного населения в ГБАО было мизерным, а его представители из числа народных депутатов (Е. В. Тургунов, А. С. Афанасьев) были пришлыми функционерами, роль которых на Памире неуклонно снижалась, прежде всего по причине их отъезда из неблагополучной области.

Таким образом, Советский Бадахшан в рамках перестройки получил «типовую» систему самоуправления, призванную решить вопросы, волнующие местное население. А вопросов этих накопилось немало.

Наиболее насущными были экономические проблемы. К лету 1989 года начался синхронный кризис транспортной инфраструктуры и системы снабжения области. Во многом он был связан с отголосками Гиссарского землетрясения и оползнями⁴. Весной 1989 года была заблокирована единственная автодорога, соединявшая регион с Душанбе⁵. А в июне – августе в Хороге начались перебои в обеспечении предприятий водой, в свою очередь создавшие проблемы в снабжении крупнейшего населенного пункта области хлебом⁶. Одновременно было парализовано авиасообщение с Душанбе, вызвавшее беспорядки в Хорогском аэропорту⁷. В 1990 году ситуация во многом повторилась – только на восстановительные работы после очередного землетрясения было выделено 8 млн рублей⁸. О реализации проектов развития можно было забыть. Было очевидно, что масштабной помощи от республиканских властей ждать не приходится. В этой ситуации народным депутатам ГБАО удалось «через голову» Душанбе инициировать принятие решения на союзном уровне. 26 июля 1990 года вышло постановление Совета Министров СССР «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию ГБАО Таджикской ССР в 1991–1995 годах». Оно предусматривало комплексное развитие области и давало соответствующим министерствам конкретные задания по реализации этой программы. Например, Министерству энергетики СССР было поручено завершить строительство ГЭС «Памир-1» и приступить к проектированию ГЭС «Памир-2», Министерству промышленности – финансировать строительство фармацевтического завода в Хороге⁹. Правда, как следует из документов, обнаруженных нами в архиве, в августе 1990 года реализацию части мер, указанных в постановлении, поручили Совету Министров ТССР. Последний явно пытался пересмотреть масштабы проекта, исходя из «реальных возможностей», а также «учитывая предстоящую с 1 января 1991 года работу в условиях перехода на рыночную экономику, самоуправления и самофинансирования»¹⁰. Немаловажной «фигурой умолчания» в данном случае был факт принятия

24 августа «Декларации о государственном суверенитете ТССР»¹¹, которая ставила под сомнение саму возможность Москвы принимать решения о социально-экономическом развитии регионов республики. В итоге из всех предусмотренных постановлением мер была реализована только достройка гидроэлектростанции «Памир-1».

Деградация социально-экономического облика ГБАО «гармонично» резонировала с возросшей напряженностью на границе с южным соседом. Официальный вывод Ограниченного контингента советских войск с территории Афганистана, завершившийся 15 февраля 1989 года, привел к осложнению региональной военно-политической обстановки. Только за 1990 год на советско-афганской границе было зафиксировано 113 столкновений [26: 233]. При этом в районах Афганистана, прилегающих к ГБАО, активные боевые действия не велись. Тем не менее документы из областного архива показывают, что ситуация на границе была далека от нормальной. Картину роста угрозы «из-за реки» в 1990 – начале 1991 года дают материалы пятой сессии СНД ГБАО (12–13 апреля 1991 года). Пограничные проблемы обсуждались с участием начальника 66-го (Хорогского) пограничного отряда КГБ СССР В. М. Рогова, начальника отдела КГБ по ГБАО А. Л. Еделева, заместителя начальника УВД ГБАО А. Мамаднazarова и прокурора ГБАО С. Д. Джумаева. Как следует из протокола заседания и приложений к нему, регулярными стали вооруженные столкновения пограничников с группами (10–15 человек) афганских и таджикских контрабандистов, а также систематическое давление представителей наркомафии на пограничников и чиновников из числа местного населения. Силовики информировали депутатов о деятельности афганских моджахедов по созданию на территории ГБАО вооруженного антисоветского подполья с исламской политической программой. Успеху этой работы способствовали ослабление пограничного контроля, мягкость наказаний за нарушение границы, отток кадров и отсутствие развитой системы досмотра грузов (например, в аэропорту г. Хорога)¹².

Летом 1991 года в припанджских провинциях Афганистана развернулись боевые действия между войсками М. Наджибуллы и душманами. Неожиданным побочным следствием этих столкновений стала бомбардировка 4 июня самолетом афганских ВВС кишлака Намадгути Поён в таджикском Вахане, в результате которой погибло четыре и было ранено девять человек¹³. Несмотря на официальные извинения со стороны М. Наджибуллы и правительства соседней страны¹⁴, инцидент поднял вопрос об организации противовоздушной обороны. По представлению председателя СНД ГБАО А. Искандарова ВС РТ просил у Министерства обороны СССР «решить вопрос размещения противовоздушных сил на

территории республики». Запрос датирован 10 сентября¹⁵. К этому моменту Ишкашимский, Ваханский и Шугнанский уезды афганского Бадахшана уже месяц находились под контролем Ахмад Шаха Мас'уда [1: 384], [2: 72]. Несмотря на заверения новых соседей в добрых намерениях, было ясно, что обострение обстановки – лишь вопрос времени.

Негативное воздействие Афганистана определенно ощущалось и в экономике ГБАО. Еще до вывода войск автономия регулярно направляла значительные объемы гуманитарной помощи в приграничные районы афганского Бадахшана¹⁶. После февраля 1989 года поставки продолжились, несмотря на ухудшение хозяйственного положения на Памире. Так, только распоряжение исполкома от 19 октября 1989 года предусматривало безвозмездную передачу со складов ГБАО 40 тонн химических удобрений, двух тракторов, 50 тонн цемента и множества других дефицитных для региона предметов и материалов соседним районам афганского Бадахшана¹⁷. «Спущенный» Советом Министров СССР план помощи ГБАО «заречью» на 1990 год предусматривал передачу товаров на полтора миллиона рублей¹⁸. Судя по документам облисполкома, были и внеплановые поставки. При этом за Пяндж отправлялись преимущественно товары, в которых испытывали острую нужду сами памирцы (мука, стройматериалы, оборудование для больниц, сельхозтехника). Кроме того, на территорию ГБАО регулярно переходили группы афганских беженцев, содержание которых также ложилось на областной бюджет [2: 72]¹⁹.

В границах Советского Бадахшана была и собственная дотационная периферия – Мургаб. Если обобщенно назвать Памир самым отсталым и труднодоступным регионом Таджикистана, то Мургабский район автономии – «ГБАО внутри ГБАО». Занимая 60,7 % площади советского Памира, он представлял собой наименее населенную часть региона (12700 человек) [7]. Горные хребты Восточного Памира окружены равнинами, лежащими на высоте 3200–4000 м над уровнем моря. Земледелие здесь невозможно, поэтому с незапамятных времен Мургаб населен кочевниками. С XVI века эстафету приняли памирские киргизы. Важной особенностью Мургаба всегда была прочная транспортная связь с Ошской областью соседней Киргизии (то есть Ферганской долиной). Природные условия предопределили перманентно катастрофическое социально-экономическое положение Мургаба. Так, в 1989 году выделение средств на борьбу с последствиями чрезвычайных ситуаций занимало не менее года, а дефицитным препаратом в медицинских учреждениях был даже анальгин²⁰. Кроме того, по мере внедрения механизмов самоуправления все острее ощущался языковой барьер, мешавший полноценному участию представителей Мургаба

в работе новых институтов. Большая часть дискуссий в СНД велась на таджикском, обучение которому в преимущественно тюркоязычном районе, судя по всему, не велось. Эта проблема неоднократно поднималась на заседаниях Совета народных депутатов²¹.

С начала 1990 года на ситуации в Мургабе стал всерьез сказываться распад Союза. Опережающими темпами ухудшалось экономическое положение. В три раза (в сравнении с 1989 годом) сократилось количество построенных индивидуальных жилых домов. Обеспечение населения продуктами пришлось производить за счет поставок из сравнительно более благополучных Калай-Хумбского и Ванчского районов области²². Кроме того, в условиях суверенизации союзных республик остро встал вопрос о пастбищах, арендованных ГБАО на безвозмездной основе в Алайском районе Киргизии. Срок договора о пользовании этими землями, на которых содержалось 14789 крупного, 38670 голов мелкого рогатого скота, а также 500 лошадей, истек 1 января 1991 года²³.

Катализатором остроты «Мургабской проблемы» стали Ошские события июня 1990 года. Во время столкновений в Ферганской долине группа молодежи из памирского кишлака Каракол (90 человек) попыталась выехать на север для поддержки киргизов. Они были задержаны пограничниками²⁴. В районном центре (к. Мургаб) при содействии работника районного отдела культуры М. Мурзакулова произошли нападения на командированных в ГБАО узбеков. Быстрое пресечение беспорядков произошло благодаря вмешательству КГБ²⁵. Ошский конфликт поставил ребром и вопрос безопасности перевозок по главной транспортной артерии ГБАО – Памирскому тракту, который, судя по выступлению народного депутата Б. Таштанбекова на сентябрьской сессии Облсовета, был некоторое время заблокирован²⁶. Таким образом, к 1991 году круг проблем, связанных с Мургабом, систематически осложнял ситуацию в ГБАО.

Казалось бы, местные условия практически исключали противостояние Бадахшана с республиканским Центром. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода шла борьба за повышение статуса автономии и ее культурно-языковое «возрождение». Восьмая глава Конституции ТССР 1978 года предусматривала принятия Верховным Советом по представлению областного Совета народных депутатов закона о ГБАО²⁷, но разработка этого правового акта затянулась. Тем временем с 1988 года за перевалом Хабуработ уже вовсю шло «национальное возрождение», в которое втянулась и часть гуманитарной интеллигенции бадахшанского происхождения, поддерживаемая влиятельными российскими учеными. В газетных публикациях литераторы и ученые критиковали и отождествление памирских народов с таджиками, и экономическую политику

властей Таджикистана и ГБАО, не способствовавшую развитию добывающей промышленности в регионе. Звучали также голоса в пользу возрождения письменной культуры через разработку алфавитов для бесписьменных языков Бадахшана [9], [10], [12], [32]²⁸.

В 1990 году культурный активизм памирцев приобрел религиозное измерение. В Душанбе по инициативе выходца с Памира Х. Холикназарова было создано общество «Носири Хусрав». Свою задачу участники данной группы видели в просвещении исмаилитов ТССР. Они выступали за создание молельных домов в местах компактного проживания низаритов, поддержание и возрождение религиозных традиций, воспитание подрастающего поколения в духе «веры предков», издание и распространение соответствующей литературы [30: 136].

Давление общественного мнения, экономический спад и видимость перспективы расширения прав региона в условиях комплексной либерализации отношений между республиканскими центрами и периферией подвигли властные структуры области обратиться к проблеме статуса памирских языков. Вероятно, это был пробный шар, призванный проверить реакцию официального Душанбе, а также местной и столичной общественности. В январе 1989 года Областной комитет КПТ организовал в Хоробе круглый стол на тему «Язык и развитие культуры». Партийные функционеры, сотрудники системы образования и работники культуры обсудили возможность включения памирских языков в школьную программу. Из двадцати одного участника встречи лишь трое выразили отрицательную позицию по рассматриваемому вопросу [30: 102–103]. После принятия 22 июля 1989 года республиканского закона «О языке» лингвистические устремления памирцев были узаконены. В третьей статье правового акта утверждалось: «Таджикская ССР создает условия для свободного развития и использования горно-бадахшанских (памирских) языков и сохранения ягнобского языка. Горно-Бадахшанская автономная область самостоятельно решает вопросы функционирования местных языков»²⁹. Стремясь внести определенность в этот болезненный вопрос, Совет Министров Таджикской ССР 17 июля (то есть до утверждения закона) принял постановление «О мерах по выполнению Закона Таджикистана о языке», в котором облисполкому ГБАО вменялись разработка мер по обеспечению функционирования и сохранения памирских языков, а также подготовка предложений для реализации на республиканском уровне³⁰. Во исполнение этих актов 23 декабря 1989 года Исполнительный комитет СНД ГБАО создал специальную комиссию, в состав которой вошли главы районных администраций, ученые и представители от каждого из языковых сообществ. В рамках комиссии были выделены три рабочие груп-

пы. Первая занималась составлением алфавита, вторая – внедрением памирских языков в СМИ, на предприятиях и в сфере культуры, а третья разрабатывала меры по усовершенствованию школьной системы преподавания таджикского на местных языках [30: 103–107]. Фактически в 1989 году были созданы условия для решения языковой проблемы.

Гораздо сложнее дело обстояло с принятием закона «О ГБАО». Судя по протоколам сессий СНД, первые дискуссии вокруг проекта развернулись 4 сентября 1990 года. В выступлениях народных депутатов и представителей общественности заметно недовольство «беззубостью» предложенного им документа³¹. Так, неприятие вызвали отсутствие в тексте упоминания и определения статуса памирских языков, пункта о невозможности изменения границ ГБАО без согласия автономии. Кроме того, звучали предложения, направленные на усиление представительства региона в Душанбе путем увеличения количества нардепов от ГБАО в ВС ТССР до двенадцати и введении должности постоянного представителя области при Совмине (как вариант, председатель Облисполкома мог одновременно стать заместителем председателя центрального правительства). Самым радикальным было выступление сотрудника Исполкома Ш. Кокулова, предложившего законодательно закрепить беспартийность работников суда, прокуратуры, Облисполкома и профсоюзов, а также двойное подчинение Облисполкома республиканским министерствам и областному СНД. Однако преобладали взвешенные предложения, направленные на уточнение и конкретизацию проекта. По итогам обсуждения документ был принят в первом чтении³².

В начале апреля 1991 года Президиум СНД ГБАО подготовил и опубликовал в газете «Советский Бадахшан» проект конституционного закона «О ГБАО»³³. Законопроект из семи глав (95 частей) был призван включить регион в позднесоветскую политическую систему на условиях, достаточно стандартных по понятиям того времени. Так, официально были зафиксированы особенности региона, послужившие основой получения автономии: «ГБАО является видом советской автономии, образованной на основе общей территории, географических условий, бытования таджикского (персидского), язгулямского, рушанского, бартангского, шугнанского, ваханского, ринского языков, экономического и духовного своеобразия, соседства с иностранными государствами». Со ссылкой на конституции СССР и ТССР, а также историческую близость, Горный Бадахшан признавался частью Таджикистана. Таджикский язык сохранил свой исключительный официальный статус, но в проекте допускалось использование памирских языков в суде, что означало их введение в правовое поле.

Прямого утверждения о наличии в автономии отличных от таджиков общностей в законопроекте не было, как и упоминания религиозного своеобразия Памира. Очевидно, что упоминание об исмаилизме и признание памирцев нацией поставили бы вопрос о праве на самоопределение таджиков Дарваза и Ванча, а также мургабских киргизов.

Значимым и созвучным времени было положение о контроле местной власти над природными богатствами ГБАО. Судя по материалам работы Областного совета, этот пункт, скорее, мог иметь (помимо популистского) частное и прикладное значение, обеспечивая развитие местного природоохранного законодательства и регулирования сферы туризма³⁴.

Законопроект «О ГБАО» реформировал систему представительства региона на уровне СССР. Пять народных депутатов от Бадахшана должны были быть делегированы на Съезд народных депутатов СССР. Два представителя от области становились представителями автономии в Совете национальностей Верховного Совета. На наш взгляд, наиболее значимым было закрепление за ГБАО права на свободный выход из состава Таджикской ССР и СССР при условии проведения регионального референдума. День образования ГБАО (2 января) предлагалось сделать выходным днем. Как следует из протокола апрельской сессии областного Совета народных депутатов, консолидированного представления о судьбе законопроекта в местном политикуме не было. Некоторые депутаты пытались внести частные изменения в законопроект. Первый секретарь Областного комитета КПТ С. Бекназаров заявил о преждевременности принятия документа, поскольку в будущем последуют конституционные изменения на уровне всего СССР и Таджикистана, которому закон должен будет соответствовать. Напротив, представитель Рушана У. М. Аксаколов настаивал на скорейшей передаче документа в Верховный Совет ТССР. Мнение последнего, вероятно, разделяло большинство участников сессии, и законопроект был утвержден³⁵. Параллельно с обсуждением перспектив изменения статуса области местные власти пытались организовать работы по ликвидации последствий январского землетрясения. В соответствии с распоряжением Кабинета Министров Таджикской ССР № 42 от 15 апреля 1991 года Исполком СНД распорядился направить на эти цели дополнительно 25,3 млн рублей капитальных вложений³⁶. Характерно, что большая часть расходов возлагалась на все еще действующий Центр. Отделу торгово-промышленного комплекса и услуг населению исполкома ГБАО и Облпотребсоюзу ГБАО было поручено в короткий срок обеспечить получение нарядов и заключить договоры на поставку выделенных Минторгом СССР дополнительно в 1991 году.

При этом оговаривалось, что товары народного потребления и строительные материалы будут доступны «для продажи населению», а торгово-технологическое оборудование для оснащения объектов просвещения, торговли и общественного питания будет распределяться по согласованию с исполкомом ГБАО³⁷. Всего же, по данным Верховного Совета ТССР, за первую половину 1991 года на ликвидацию последствий стихии Центром было выделено 46 млн рублей. Однако за 6 месяцев удалось освоить только 12 млн³⁸. Кроме того, за счет резерва Правительства СССР для обеспечения нужд населения, пострадавшего от землетрясения, Кабинет Министров ТССР распорядился выделить 1,5 тыс. тонн мяса, 1 тыс. тонн животного масла и 1 тыс. тонн сахара в распоряжение Исполкома ГБАО³⁹. В доступных документах подробно не охарактеризованы потери инфраструктуры автономии, кроме разрушения Хорогского театра⁴⁰.

Архивные документы и данные периодической печати позволяют заключить, что к середине 1991 года социально-экономическая ситуация приобрела целый ряд новых кризисных черт: уменьшение посевных площадей, кризис задолженности, снижение на треть объемов строительства⁴¹. Еще одним предвестником социальных потрясений стал рост безработицы⁴².

Несмотря на сложности, вряд ли уместно говорить о сепаратистских или антисоветских настроениях основной массы населения ГБАО. Всесоюзный референдум о судьбе СССР (март 1991 года) наглядно продемонстрировал отношение жителей ГБАО к судьбе страны: из 78 383 человек, участвовавших в голосовании, 77 246 выступили за сохранение Советского Союза⁴³. Тем не менее нельзя утверждать, что стремление к переменам совсем не затронуло население Ба-

дахшана. Прежде всего, как это часто случалось на постсоветском пространстве, произошло «возрождение» религиозной составляющей идентичности памирцев. Наиболее ярким проявлением этого процесса стали первые контакты с самим Ага-ханом IV, а также визит его представителей – М. Кашевджи, А. Раджпута и С. Джалола – в ГБАО (27 июня – 6 июля 1991 года). Консолидирующим фактором для низаритов стал сбор средств на возведение памятника проповеднику исмаилизма Носир-и-Хосрову [27].

Подводя итог, можно констатировать, что «перестройка» и распад Советского Союза затронули буквально все сферы жизни Горного Бадахшана. Социально-экономическая база, на которой зиждились стандарты «качества жизни» эпохи СССР, сужалась столь стремительно, что даже потенциально положительные аспекты либерализации и «нового мышления» (внедрение самоуправления, делегирование экономических полномочий местной власти, гласность, религиозное «возрождение», открытие внешнему миру) на практике только разгоняли кризис социальных ожиданий. Надежды на финансирование из Москвы, создание совместных предприятий, мифические несметные богатства недр региона, скорое и значительное расширение политических прав и национально-религиозной автономии обернулись конфликтом с республиканским центром, кризисом имеющихся предприятий, обострением противоречий внутри ГБАО, распылением ресурсов на статусные «прожекты», разгулом организованной преступности и ростом народного недовольства. Среди немногих положительных процессов рассматриваемого периода было налаживание связей с имамом низаритов Ага-ханом IV, экономическая поддержка которого в будущем спасет население ГБАО от голодной смерти.

* Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (кандидатов наук) № МК-5515.2018.6 «Россия и этнополитические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (1991–2005)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записка о работе Советов народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.

² Руихати депутатҳои Совети депутатҳои халкии ВАБК даъвати бисту якум // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 1. Л. 45–46; Руихати даъватшавандагон ба сессияи дуйуми Совети депутатҳои халкии ВАБК // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 2. Л. 115–118; Руихати даъватшавандагон ба сессияи гайринавбатии Шурои депутатҳои халкии ВМКБ // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 5. Л. 25–27 и др.

³ Саидов А., Сафаров А., Азимов Х. Записка о работе Совета народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.

⁴ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 92-р от 25 июля 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. Л. 224.

⁵ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 50-р от 10 мая 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 55.

⁶ Основание десятой сессии Совета народных депутатов ГБАО двадцатого созыва от 15 сентября 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 43. Д. 30. Л. 77.

⁷ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 82-р от 5 июля 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 1.

⁸ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 68-р от 5 июля 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 2–4.

- ⁹ Постановление Совета Министров СССР от 26 июля 1990 года о некоторых мерах по социально-экономическому развитию Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикской ССР в 1991–1995 года // Бадахшони Совети. 11 августа 1990. С. 4.
- ¹⁰ Протокол № IX-31 (I-I) совещания у председателя Совета Министров Таджикской ССР т. Хаёева И. Х. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 65.
- ¹¹ Декларация о государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики (проект); Постановление Президиума Верховного Совета Таджикской ССР № 94 от 13 августа 1990 г. о проекте Декларации о государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 7–8.
- ¹² Протокол № 5 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 24–28, 106–124.
- ¹³ Рахмонкулов Р., Шоинбодов Н. Фочиа дар Намадгут (тафсили воқеа) // Бадахшони Совети. 6.07.1991. С. 1.
- ¹⁴ Сообщение представителя МИД СССР // Бадахшони Совети. 7.07.1991. С. 4.
- ¹⁵ Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан № 405 от 10 сентября 1991 г. О запросе народного депутата Республики Таджикистан Искандарова А. от Ванчского избирательного округа № 224 «Об обеспечении безопасности населения Горно-Бадахшанской автономной области и укреплении ее границ» // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 21.
- ¹⁶ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 9-р от 31 января 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 142.
- ¹⁷ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 146-р от 19 октября 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. Л. 42–43.
- ¹⁸ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 63-р от 10 мая 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 86; Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 60-р от 7 мая 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 110; Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 59-р от 4 мая 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 113 и др.
- ¹⁹ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 128-р от 19 сентября 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. Л. 33.
- ²⁰ Выступление председателя исполкома Мургабского районного Совета народных депутатов т. Полушкина А. А. на IX сессии областного Совета народных депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 43. Д. 29. Л. 6–10.
- ²¹ См., напр.: Протокол № 5 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 20–21.
- ²² Протокол № 3 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. Оп. 49. Д. 3. Л. 6–7.
- ²³ Искандаров А. И. Записка о некоторых вопросах социально-экономического развития Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 46.
- ²⁴ Протокол № 5 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 28.
- ²⁵ Дружба всего сильнее // Бадахшони Совети. 19.06.1991. С. 4.
- ²⁶ Протокол № 3 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. Оп. 49. Д. 3. Л. 7.
- ²⁷ Конституция (Основной Закон) Таджикской Советской Социалистической Республики. Душанбе: Ирфон, 1987. С. 12.
- ²⁸ Зуробеков Н. Шох ё гадо // Адабиёт ва санъат. 10.08.1989. С. 3.
- ²⁹ Закон Республики Таджикистан от 22 июля 1989 года № 150 «О языке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905#pos=0;38 (дата обращения 10.04.2018).
- ³⁰ Постановление Совета Министров Таджикской ССР «О мероприятиях по выполнению Закона Таджикской ССР о языке» // Вечерний Душанбе. 17.07.1989. № 136 (5276).
- ³¹ Протокол № 3 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 14–25.
- ³² Карори Совети депутатҳои халкии вилояти автономии Бадахшони Кухии РСС Тоҷикистон № 38 аз 2 сентябри соли 1990 // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 44.
- ³³ Конуни Чумхурии шуравии социалистии Тоҷикистон «Дар бораи Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон» (лоиха) // Бадахшони Совети. 6.04.1991. С. 1–3; Конуни Чумхурии шуравии социалистии Тоҷикистон «Дар бораи Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон» (лоиха) // Бадахшони Совети. 9.04.1991. С. 1–3.
- ³⁴ Карори Совети депутатҳои халкии вилояти автономии Бадахшони Кухии РСС Тоҷикистон № 44 аз 4 сентябри соли 1990 // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 50; Положение об охоте и ведении охотничьего хозяйства на территории ГБАО // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 51–63; Протокол № 5 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 2 и др.
- ³⁵ Протокол № 5 сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 22–24.
- ³⁶ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 24-р от 23 апреля 1991 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 5. Л. 89.
- ³⁷ Там же. Л. 90.
- ³⁸ Саидов А., Сафаров А., Азимов Х. Записка о работе Совета народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.
- ³⁹ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 24-р от 23 апреля 1991 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 5. Л. 90.
- ⁴⁰ Четвертый театральный фестиваль в Таджикистане // Театр. 1991. Вып. 10. С. 48.
- ⁴¹ Гулхандаев Ш. О чем говорят итоги полугодия // Бадахшони совети. 26.07. 1991. С. 4.
- ⁴² Саидов А., Сафаров А., Азимов Х. Записка о работе Совета народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.
- ⁴³ Барои Иттиходи навшуда овоз дованд // Бадахшони Совети. 20.03.1991. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимбеков С. М. История Афганистана. Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.
2. Бабаханов У. Таджики идут (статьи, репортажи, интервью). Душанбе: Эр-Граф, 2012. 496 с.
3. Бозоров К. Д. Переселенческая политика правительства Республики Таджикистан в послевоенный период и ее социально-экономическое и культурно-бытовое значение, 1946–1965 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2002. 22 с.
4. Болдырев В. А. Итоги переписи населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 49 с.
5. Бубнова М. А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир (памятники каменного века – XX в.). Душанбе: УЦА, 2008. 383 с.
6. Бушков В., Моногарова Л. Этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5. С. 215–233.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (дата обращения 15.04.2018).
8. Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И. Физическая география СССР. Азиатская часть. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1978. 512 с.
9. Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Несколько замечаний по поводу отклика А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко // Советская этнография. 1989. Вып. 5. С. 35–38.
10. Давыдов А. С. Не обоснованно... зато публицистично // Советская этнография. 1989. Вып. 5. С. 15–23.
11. Даудов А. Х., Андреев А. А., Шорохов В. А., Янченко Д. Г. Национальное строительство в Таджикистане в 1988–2000-е гг. Поиск «основы конструкта» // Былые годы: Российский исторический журнал. 2015. Т. 35 (1). С. 204–210.
12. Додихудоев Р. Х. Доколе будем слыть манкуртами // Коммунист Таджикистана. 1989. Вып. 5. С. 28–29.
13. Додихудоев Р. Х. Языковая политика и языковое строительство в Таджикистане // Русский язык в СССР. 1991. № 9. С. 5–7.
14. Кошлаков Г. В., Тураева М. О., Майтдинова Г. М. Экономические интересы России в Таджикистане: риски и возможности. Душанбе: РТСУ, 2009. 322 с.
15. Малашенко А. В. Таджикистан: долгое эхо гражданской войны // Московский Центр Карнеги. 2012. Т. 14. Вып. 3. С. 1–12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/MalashenkoBriefing_14-3-12_Russ_web.pdf (дата обращения 10.07.2018).
16. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.
17. Моногарова Л. Ф. Памирцы – народности или субэтноты таджиков? (ответ А. С. Давыдову) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 28–34.
18. Моногарова Л. Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. 1975. Вып. 16. С. 174–191.
19. Ниёзов С. Шииты-исмаилиты Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. 2003. Т. 30. Вып. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-06/05.niygu.shtml (дата обращения 28.05.2018).
20. Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки. М.: Восточная литература, 2008. 446 с.
21. Паршин П. Б. Место и роль Горно-Бадахшанской Автономной области в Государственной системе Таджикистана // Международная аналитика. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 83–96.
22. Пахалина Т. Н. Памирские языки. М.: Наука, 1969. 163 с.
23. Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: Мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. М.: [Б. и.], 2009. 198 с.
24. Раджабов С., Бободжанов Н. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе: Ирфон, 1975. 36 с.
25. Ситнянский Г. Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: ИЭА РАН, 2011. 290 с.
26. Терещенко В. В. Самая эффективная окружная пограничная система (1960–1990 гг.) // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2013. Т. 121. Вып. 5. С. 226–234.
27. Ходжибеков Э. Х. История активизации религии и религиозных деятелей ГБАО Республики Таджикистан в годы Перестройки (1985–1991 гг.) // Успехи современной науки. 2017. Т. 4. Вып. 2. С. 179–180.
28. Хоналиев Н. ГБАО – проблемы социально-экономического развития // Центральная Азия и Кавказ. 2004. Т. 31. Вып. 1. С. 186–195.
29. Худоёров М. М. Проблема Памирской автономии в Таджикистане на рубеже 1980–1990-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Т. 237. Вып. 22. С. 78–81.
30. Худоёров М. М. Социально-политические и этнокультурные трансформации на постсоветском Памире: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 225 с.
31. Четвертый театральный фестиваль в Таджикистане // Театр. 1991. Вып. 10. С. 48.
32. Чешко С. В. Время стирать белые пятна // Советская этнография. 1988. Вып. 6. С. 5–6.
33. Чешко С. В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. 399 с.
34. Шарафиева О. Х. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2012. Т. 359. С. 98–100.
35. Шахрай С. М. Мифы и факты о распаде Союза ССР // Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): В 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы. М.: Кучково поле, 2016. С. 39–50.
36. Шорохов В. А. Этнолокальные группы Таджикистана в постсоветский период: особенности взаимного восприятия и самоидентификации // Петербургские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 3. СПб., 2011. С. 326–338.
37. Brasher R. Ethnic Brother or Artificial Namesake? The Construction of Tajik Identity in Afghanistan and Tajikistan // Berkeley Journal of Sociology. 2011. Vol. 55. P. 97–120.
38. Rashid A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism. London, Karachi, Oxford University Press, 1994. 288 p.

Shorokhov V. A., Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)

BETWEEN THE DREAMS OF PERESTROIKA AND REAL LIFE: SOVIET OF PEOPLE'S DEPUTIES OF KUHISTONI BADAKHSHON IN 1989–1991*

The paper examines the history of the Soviet of People's Deputies of a unique region of the USSR during the late Perestroika period (1989–1991). The research object is the Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region (GBAO) of Tajikistan. The subject being analyzed is the process of searching for the solutions of the main local problems by the representative executive body of the Soviet Pamirs amid the political and economic crisis accompanying the USSR dissolution. The core sources for the study comprised the documents from the State Archive of GBAO (the town of Khorugh). These unpublished documents reflected the activities of the Regional Soviet of People's Deputies, the Executive Committee of GBAO, the Supreme Soviet of Tajikistan and its Presidium. The data from national and regional press was also examined, which helped to reconstruct the features of the autonomous region's decline, as well as the key aspects in its search for new prospects. The author concludes that Perestroika and the dissolution of the USSR eliminated the system of supporting socioeconomic living standards faster than modest beneficial effects of liberalization could be felt. Delusive hope for the direct funding by Moscow turned into the conflict with Dushanbe. Dreams of international cooperation in the use of the Pamirs' environmental assets fell apart with the decline of all local industries and dissipation of resources. Social tension and public outrage also contributed to crisis. Religious revival and the first contacts with Aga-Khan IV were the exceptional cases.

Key words: dissolution of the Soviet Union, Tajikistan, the Pamirs, Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region, the Soviet of People's Deputies

* This research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young PhDs No MK-5515.2018.6 "Russia and Ethno-Political Processes in The Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region of Tajikistan (1991–2005)".

REFERENCES

1. Akimbekov S. M. The history of Afghanistan. Astana, Almaty, IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta Publ., 2015. 848 p. (In Russ.)
2. Babanov U. The Tajiks are coming (articles, reports, interviews). Dushanbe, Er-Graf Publ., 2012. 496 p. (In Russ.)
3. Bozorov K. D. Migration policy of the Government of the Republic of Tajikistan during the postwar period and its socio-economic, domestic and cultural importance, 1946–1965: Diss. abstract ... Cand. Sci. (History). Dushanbe, 2002. 22 p. (In Russ.)
4. Boldyrev V. A. Overall results of the USSR Census. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1990. 49 p. (In Russ.)
5. Bubnova M. A. Archaeological map of the Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region. The West Pamirs (sites from the Stone Age to the XX century). Dushanbe, UTsA Publ., 2008. 383 p. (In Russ.)
6. Bushkov V., Monogarova L. Monogarova L. Ethnic processes in the Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region of Tajikistan. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*. 2000. No 5. P. 215–233. (In Russ.)
7. All-Soviet Union Census of 1989. Population of the USSR Republics and their regions, by gender. Demoskop Weekly. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (accessed 15.04.2018). (In Russ.)
8. Gvozdeckii N. A., Mikhailov N. I. Physical geography of the USSR. Asian part. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 512 p. (In Russ.)
9. Grjunberg A. L., Steblin-Kamenskij I. Steblin-Kamenskij I. M. Some notes on A. S. Davydov's response to S. V. Cheshko's paper. *Sovetskaya etnografiya*. 1989. Issue 5. P. 35–38. (In Russ.)
10. Davydov A. S. Unreasonable... but so journalistic. *Sovetskaya etnografiya*. 1989. Issue 5. P. 15–23. (In Russ.)
11. Daudov A. K., Andreev A. A., Shorokhov V. A., Yanchenko D. G. Nation state building in Tajikistan between 1988 and the 2000s. Search for "the backbone of the construct". *Bylye gody*. 2015. Vol. 35 (1). P. 204–210. (In Russ.)
12. Dodihudoev R. H. How long will we keep being passed for the Mankurts? *Kommunist Tadjikistana*. 1989. Issue 5. P. 28–29. (In Russ.)
13. Dodihudoev R. H. Language policy and language building in Tajikistan. *Russkiy yazyk v SSSR*. 1991. No 9. P. 5–7. (In Russ.)
14. Koshlakov G. V., Turaeva M. O., Majtdinova G. M. Russian economic interests in Tajikistan: risks and possibilities. Dushanbe, RTSU Publ., 2009. 322 p.
15. Malashenko A. V. Tajikistan: Long-lasting echo of the Civil War. *Carnegie Moscow Center*. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 1–12. Available at: http://carnegieendowment.org/files/MalashenkoBrifing_14-3-12_Russ_web.pdf (accessed 10.07.2018). (In Russ.)
16. International relations in Central Asia: events and documents. Moscow, Aspekt Press Publ., 2011. 549 p. (In Russ.)
17. Monogarova L. F. The Pamiris – separate ethnic groups or the sub-ethnicities of the Tajiks (in answer to A. S. Davydov)? *Sovetskaya etnografiya*. 1989. No 5. P. 28–34. (In Russ.)
18. Monogarova L. F. Ethnic composition and ethnic processes in the Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region of the Tajik Soviet Socialist Republic. *Strany i narody Vostoka*. 1975. Issue 16. P. 174–191. (In Russ.)
19. Nijozov S. Isma'ilis Shi'ites of Central Asia. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz*. 2003. Vol. 30. Issue 6. Available: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-06/05.niyru.shtml (accessed 28.05.2018) (In Russ.)
20. The basics of the Iranian language studies: the Middle Iranian and New Iranian languages. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2008. 446 p. (In Russ.)

21. Parshin P. B. The place and role of the Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region in the state system of Tajikistan. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2016. Vol. 16. Issue 2. P. 83–96. (In Russ.)
22. Pahalina T. N. The Pamir languages. Moscow, Nauka Publ., 1969. 163 p.
23. The Baltic region and Central Asia as parts of the Russian Empire and the USSR: the myths of modern textbooks of the post-Soviet states and the reality of socioeconomic calculations. Moscow, 2009. 198 p.
24. Radzhabov S., Bobodzhanov N. Soviet Badakhshan in the brotherhood of the USSR peoples. Dushanbe, Irfon Publ., 1975. 36 p. (In Russ.)
25. Sitnianskii G. Ju. Russia and Central Asia: together or apart? Inter-ethnic relations in Middle Asia, Kazakhstan and Russia. Moscow, IEA RAN Publ., 2011. 290 p. (In Russ.)
26. Tereshchenko V. V. Most efficient district system (1960–1990s). *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya*. 2013. Vol. 121. Issue 5. P. 226–234. (In Russ.)
27. Hodzhibekov Je. H. History of activation of religion and religious figures in Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast (GBAO) during Perestroika time (1985–1991). *Uspekhi sovremennoy nauki*. 2017. Vol. 4. Issue 2. P. 179–180. (In Russ.)
28. Honaliev N. GBAO – problems of socioeconomic development. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2004. Vol. 31. Issue 1. P. 186–195. (In Russ.)
29. Hudojorov M. M. The Pamir autonomy problem in Tajikistan in the late 1980s and early 1990s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. Vol. 237. Issue 22. P. 78–81. (In Russ.)
30. Hudoev M. M. Socioeconomic, ethnic and cultural transformations in the post-Soviet Pamirs. Diss. ... Cand. Sci. (History). Moscow, 2012. 225 p. (In Russ.)
31. Tajikistan's Fourth Theatre Festival. *Teatr*. 1991. Issue 10. P. 48. (In Russ.)
32. Cheshko S. V. It's time to fill in the blank page. *Sovetskaya etnografiya*. 1988. Issue 6. P. 5–6. (In Russ.)
33. Cheshko S. V. The dissolution of the Soviet Union: ethno-political analysis. 2nd ed. Moscow, IEA RAN Publ., 2000. 399 p. (In Russ.)
34. Sharafieva O. H. The role of regional clans in Tajikistan internal policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. Vol. 359. P. 98–100. (In Russ.)
35. Shahraj S. M. Myths and facts about the dissolution of the Soviet Union. *Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986–1992 gg.). T. II: Arkhivnye dokumenty i materialy*. (S. M. Shahraj, Ed.). Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. P. 39–50. (In Russ.)
36. Shorokhov V. A. Local ethnic groups in post-Soviet Tajikistan: features of mutual perception and self-identity. *Peterburgskie issledovaniya: Sbornik nauchnykh statey*. Issue 3. St. Petersburg, 2011. P. 326–338. (In Russ.)
37. Brasher R. Ethnic brother or artificial namesake? The construction of Tajik identity in Afghanistan and Tajikistan. *Berkeley Journal of Sociology*. 2011. Vol. 55. P. 97–120.
38. Rashid A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism. London, Karachi, Oxford University Press, 1994. 288 p.

Поступила в редакцию 19.07.2018